

Мы с Глебом собирали мои мелочи из ванной. Ночью уже уезжать.

Точнее собирала я, а Глеб тусил рядом, и терпеливо ждал, когда я уже соберу все вещи, и он отнесет их в свою с Семеном комнату.

Сумка аккуратно допихивалась шампунем, пастой, расческой и прочими мелочами. Глеб, мурлыча, перебирал мои золотистые локоны, пощипывал попку, гладил по щеке.

Я пыталась захватить его палец губами, намекнуть на возможное продолжение.

Но он мягко выскользывал. Промежность джинсов демонстрировала отличную выдержку, я бы сказала даже нежелание двигаться дальше. Поэтому, погладив пару раз по мягкому паху, я расслабилась, ни на что не претендую.

Мы двигались медленно и не хотят. Было приятно просто быть рядом, вдыхать запах друг друга. И так замедливали в неме, что не сразу услышали шум в коридоре.

Пришла моя соседка Ленок и явно не одна.

— Ты мой жеребец. Весь день думала о твоем жезле.

Э. Неудобно-то как. Зажала рот Глебу, который неуместно захрюкал от смеха. Дурак, послушал бы со стороны, что сам говорит во время секса.

В коридоре зашебуршали и передвинулись в комнату.

Я сунула Глебу раздутую от вещей сумку (они купили еще два платья), и осторожно выглянула наружу. Пыхтение и восторженный голос Ленка раздавался из спальной комнаты.

— Только о тебе и думаю. Ах, горюю, вставь мне свою дубину, аах.

Н-да. Надо пересмотреть свое отношение к словам во время крышеносца, если я похоже ненесу, надо будет справку в зубах держать. Чтобы партнер почитывал в процессе: «Не, вроде не больная. Хотя... Ох. А вот написано — здоровая... Но возможно...»

Любопытство сгубило кошку. Сто раз себе говорила — не лезь в чужие дела, не твоего ума это дело. Но ведь, вторую натуру не задушишь, не прибьешь, распирает же «Кто позарился на Ленка? Кто этот наивный паучок, решивший обмануть опытную паучиху?» — и я заглянула за угол проема.

Матерь всех кошек, как хорошо, что ты подарила нам несколько жизней! Потому что здесь и сейчас я точно пережила микро-инфаркт.

Уперев соседку руками в комод, спиной к нам, уронив штаны до щиколоток в белых высоких носках, к рыхлой попке пристраивался дрыщ.

Причем стояло у него не очень. Он поправлял свою даму с недовольным бурчанием, а дубина между ног висела практически вниз, на 18:00, не желая приглашаться на восторженное гостеприимство дамы.

Это была именно дубина.

Подозревая, что агрегат крупный, я даже примерно не прилизилась в мыслях к реальным размерам оснащения. Еще больше эффект усиливался от того, что сам дрыщ был жилистый, но худой.

Поджарые тонкие ноги и труба между ними. Вот что имеют в виду, когда говорят «третья нога» — мелькнуло в моем шокированном мозгу.

Большая сумка дрыща, как обычно, была под рукой, разместившись на подоконнике. Виталя чем-то намазал орудие, что было весьма предусмотрительно с его стороны, и медленно начал

засосываться в Ленка.

— Ааадда, — у девчонки застучали зубы.

Виталя молча и сосредоточенно продолжал.

Пора смыться. Я сделала шаг назад. И наткнулась на мешающего Глеба, тоже заинтересовавшегося

— Тиши, подожди, интересно же, — зашептал любитель поглазеть, и обнял, прижимая к проему.

В принципе, ничего чарующего в худой заднице Витали я не видела, но какой смысл спорить.

— Ты для меня всее!, — придушенно нудела Ленок, насаживаемая на вертел, — Киска болит, а тебя целый день нееет. А. А. А.

Мышцы его задницы сжались, Виталя начал еле заметное движение вперед-назад.

После этого все членоразделельное прекратилось. Ленок просто сладострастно и низко орала.

Я закрыла глаза. И почувствовала как Глеб аккуратно отодвинулся со мной от проема, упер ладонь в спину и надавил. Пытаясь извернуться, открыла в шоке рот, но ничего связного придумать так и не могла.

Меня твердо наклонили к стене и задрали подол. Вот для чего они купили мне платья...

Мамочки, что он творит? Больно сдернув вниз трусики, парень сплюнул, смазался и, довольно посапывая вошел мне между ног.

— Жеребец! А! Это вопль от Ленок. Из комнаты доносились звуки тяжелого шлепанья тела о тело.

Не хотелось слушать, хотелось прямо сейчас оглохнуть, уперевшись в стену.

Мой парень увлеченно сопел и быстро штопал сзади, даже прикусывая за ушко.

Возбуждения не чувствовала совсем, было какое недоумение и почти детская расстерянность. Почему?!

И вдруг. Ушам свои не поверила. Глеб тоже остановился. Потому что из комнаты донеслось.

— Катя. Катенька моя. Хорошо тебе, да? Хорошо? — Хорошооо, — провизжала, совершенно не смущившаяся Ленок.

Глеб резко укусил меня за ухо, и задвигался, как будто планировал вбить как декорацию в стену.

— Я ебу тебя, Катенька. Ебу. — Ебееешь — восторженный визг.

— Прямо в дырочку твою нежную, маленькую. — Ыыы, — в Ленке невовремя заговорила совесть, и прям все подтвердить она не смогла. Поэтому на секунду подумав, набрала воздух и довольно завизжала — В дырочкуу!

Надо отдать ей должное, ораторствовала соседка искренне и с наслаждением, никакой театральщины. Так сыграть нельзя, нутром орала.

Внезапно Глеб вжался, через секунду быстро выскочив, и на ягодицы полились теплые капли. Хм. Быстро.

Внешних эмоций не было. Как ластиком стерли. Чувствовала, как внутри умирал ком нежности и боли, сжимал внутрености и не давал дышать. Я точно тебе нравлюсь, мой первый, или совсем предмет-предмет?

Когда все закончилось, мы довольно успешно вышли из номера.

При таком пожарном сопровождении, которое выводила Ленок, эта парочка на вопли в ухо не отвлечется.

В комнате у ребят, я спокойно вымылась, и отстраннено сидела, пока повеселевший Глеб с кем-то созвонился, переговорил с Семеном. И ушел, напевая под нос.

Меня обняли.

— Ты уже все поняла?

Сема вздохнул и погладил своей лапицей по плечу.

— Главное, ничего лишнего не выдумывай, Кать. Глеб — гений. Я, когда увидел его стихи... — Сема вздохнул, — Это гора. И ты ему очень дорога, очень.

Меня развернули и поцеловали в кончик носа. Подняли пальцем за подбородок.

— Он не может сам. Совсем. Нужна или компания или изврат сильный какой. Вот такой мой друг, какой есть. Но ведь мы его любим, да? Поддержим во всем? Мы же его компания?

Я, всхлипнув, кивнула. Сема мягко улыбнулся, совсем не похоже на свои обычные залихвацкие улыбки. Передо мной был лидер, спокойный, умный, принимающий решения за всех нас.

Я прижалась к его груди и мелко заморгала ресницами, пытаясь угомонить слезы. Комната тихо погружалась в сумрак.

Когда пришел Глеб и включил свет, мы сидели нежно обнявшись и втиснувшись в друг друга, как сиамские близнецы.

— Вы чего это? — Дружище! — завопил «другой» Сема, разбитной и хамоватый бугай, — Ссы кипятком от счастья, ибо это знаковый день нашей жизни.

Глеб оперся о проем и поднял бровь.

Другой Сема поднялся, расправил плечи и отечески положил лапу мне на голову.

— Куколка согласилась... , — он прочувствованно шмыгнул и подтер глаз, — Ах, чего там юлить... Она сама захотела... — потрахаться в попу.

Мхатовская пауза, во всей своей тяжелой, эффектной красе заполнила комнату. После этого мы принялись ржать. Согнувшись вдвое, хохотал Глеб. Мелко хихикала, подрагивая и подывая я. Довольно хокал Сема.

Затем эти бандиты навалились оба на меня и принялись щекотать. Я извивалась и протестовала, взывая к справедливости, презумпции невиновности и Совету Безопасности ООН.

В итоге мое голенькое тело на четвереньках расположили на кровати. Глеб придерживал за плечи и целовал в шею, лицо, кудри.

А Сема массировал попку, жадно оглаживая пышные бедра и потираясь о ноги.

— Давайте потоом — канючила я.

— Ты так просила, что я настроился и теперь ну никак не могу отказаться, — строго проговорил Сема и раздвинул ягодицы.

Несколько секунд молчания. Эстет блаженно любовался на цель, ласкал взглядом анус, сжатый от страха в узел, практически в точку.

— Впервые вижу розовый, — нежно сказал он, поглаживая пальцем, — А ведь я повидал их, — Сема посмотрел на потолок и пошевелил губами, — да вагонами.

Где можно видеть анусы вагонами? Я укусила от страха Глеба за плечо.

— Так вот, ни один из них не был столь нежен и порочен.

Мы с Глебом недоумленно повернули головы на Сему. Я даже поймала себя на том, что как идиотка уронила щелость. Порочен?

— Да, да, не удивляйтесь, дорогие мои. Как всегда, я буду не столько многословен, сколько

доказателен.

Глеб хмыкнул. Сема улыбнулся и нырнул языком между окружностей. Было странно, но приятно. Скорее немного щекотно, чем возбуждающе.

— Сиськи ей мацани, — грозно сказал, вынырнув, Сема, и снова принялся вылизывать как собака новорожденного щенка. Горячо и старательно.

Мои груди погладили и начали теребить, поддавать. Глеб уже знал как мне нравится. Соски быстро сжались в острые камешки, заныли, рассыпая искры напряжения по всему телу.

В попку воткнулся и мягко подкручивался смазанный палец. Снизу по складочкам гладили и теребили бутон клитора.

Стон. Признаюсь, мой.

Палец довольно легко зашел в попку, и задвигался. Очень приятно.

— Я в заднице, — тихо сказал Сема, — и тут обалденно. Хочешь попробовать? Твой хуй лучше первым. Ты везунчик, бро. Держи гель.

Глеб с уже готовым к бою членом радостно полез назад, взбрыкивая по дороге простыни.

Уже два пальчика мягко проникали в меня, скользко растягивая узкую дырочку, и подрагивающий от страха сфинктер.

Рука, потирающая лобо и клитор, задвигалась активнее, зато два пальца в попке — покрутились немного и медленно вылезли.

— Котя, расслабься, — попросил мягко Глеб.

И я полностью расслабилась.

— Даа.

В меня входил знакомый длинный и узкий член. Парень схватил за ягодицы, развинул их, и плавно втискивал, рикошетя бедрами.

Я застонала, схватив подушку и зажевав край.

Стая пчел иголочками кусала мою попку, вызывая нарастающее томление где-то глубоко внутри зада.

— Мальчикиии, — заскулила, не выдержав, — мне хорошо. — Еби мягко, но ритмично — хриплый голос Семы, — Теперь без пауз, бро, порадуй девочку, она анальная.

Было волшебно. Я кончила вместе с Глебом. Что кричала не помню. Сема сказал, что все равно сегодня съезжаем, фигня, можно кричать.

Отдышалась. И за меня взялся Сема. Он деловито установил меня на четвереньках, «рачком, куколка, люблю раком», на краю кровати.

Полапал ягодицы, восторженно цокая.

— Холмы Олимпа. Я иду к Вам, о боги!

Шлепки неожиданно посыпались на мои уже затисканные булочки, оживляя и пробуждая снова. Хлесткие удары чуть скользили по поверхности, вызывая небольшие сотрясения попы.

— Розовая какая, — умиление от Глеба.

Шлеп. Шлеп. О. Шлеп. Ладонь плотно, но мягко ударила прямо по промежности, я содрогнулась и развертно взмыла. Потеребили клитор.

Здоровяк вытер салфеткой пузырящиеся подтеки после Глеба, и с видимым наслаждением осторожно втиснулся в мокре заднее отверстие.

— Вот теперь и я натяну на глазок, — сказал он, полностью войдя толстым членом, — Скажи, я мастер?

— Мастер! — провыла я, подтекая на простынь от удовольствия.

Бедра ударились о бедра, заднице крепко схватили. И в меня ударили. Прямо в мозг. Выбивая все мысли и личность в целом. Еще, А. И еще.

По ногам текло. Каждый удар толкал вперед и потрясал меня до основания. Груди качались даже не вместе, а дергались как-то одна, то другая. Как бежали впереди меня.

Когда раздался звонок скайпа, я честно выла.

— Как же не вовремя, — прохрипел Сема, проводя очередной хук в схваченный руками зад.

— Это Беша и Серый, — Глеб повертел ноутом.

— Ну ладно, — выдохнул наш лидер, — братаны святое. Включай.

Мне было все равно. Я почтении. только пусть не останавливается!

Из ноута заулююкали. — Это что за шлюха?!

Сема поддал бедрами, так что я почти подпрыгнула в небеса.

— Не шлюха, а наша боевая подруга. Куколка.

— Катя, — подтвердил Глеб, подошел к кровати и, подняв лицо, поцеловал в прикушенные губы.

— Вам срочно или подождете? — вожак не терял ритм. Моя задница тряслась.

— Да мы поучавствуем, — звук расстегиваемых ширинок.

— Ну, братва, по первачку. А завтра мы с куколкой живьем нагрянем, да, Катюш? — Дд. Ии.

— Глебыч, тащи ноут поближе. Будем девочку с братанами знакомить.

Это наверно, те парни из группы, которую собрал Сема. Да, пес с ними, я не могла сейчас здороваться и реверансить.

— Иищоо. Это мой голос.

Сема наподдал бедрами, растянул ягодицы, открывая обзор и вызывая восторженный гомон музыкального коллектива.

В меня вбивался толстый обожаемый мной хуй. И держал за зад самый надежный из мужчин, которых я знаю.

С другой стороны, меря вздернул за голову и целовал в губы обожаемый «первый».

— Погодь, — сказал «надежный», отпустил зад, и за волосы подтянул голову, изогнув тело как лук. Пальца с двух сторон привычно растянули рот. Сема хохотнул и с кратким «поехали», заебал меня в зад, вдвинув толстые пальцы за щеки.

Глеб обносил ноутком вокруг, приближая к моему запрокинутому лицу, с растянутым ртом и полоскавшимся на ветру языком. Учащенно дыша, он жадно заглядывал мне в глаза, ловил пальцами дергающийся язык.

Шепот. — Ты моя самая-самая котя.

Конвульсии начали вытрясывать мои ноги, выбивая дрожь по всей кровати.

— Она анальная, — зачем-то проинформировал друзей Семен, багровея лицом, но не замедляясь. Из-под члена брызнуло. Я слепо хлопала глазами и билась, скуля, в потоке оргазма.

Дальше не помню. Темнота. — Спит что ли? — Ага, отрубилась девуля.

Пришла в себя в автобусе. Одета. Голова светлая, тело немного ноет, но в целом — терпимо. Автобус мерно раскачивался, свет притушен. Наверно, я выключилась и уснула. Вот я даю. Во всех смыслах. Хихикнула.

Парни спали на креслах справа и слева. Глеб улыбался, острое смуглое лицо расслабилось, исчезла хмурая складка между бровей.

Сема ворочался и сосредоточенно что-то буркал, как будто спорил и даже побеждал.

Через два кресла, на своем привычном месте. прикрывшись сумкой, сидел дрыщ. Его рука мерно двигалась, ныряя под сумку, с длинной амплитудой. Он смотрел прямо на меня.

Внимательно. Жадно. Уверенно.

(Продолжение следует. Автор будет рад комментариям и пожеланиям читателей)